

СТРАНСТВУЮЩИЙ ЭНТУЗИАСТ (Г.К. ЛУКОМСКИЙ В ИЗГНАНИИ)

(см. фото на 2-3 стр. цв. вкладки)

Доклад посвящён новым источникам, связанным с личностью известного геральдиста, бывшего последним управляющим Гербового отделения департамента Герольдии, Владислава Крескентьевича Лукомского (1882–1946) (в конце жизни являвшегося профессором московского Историко-архивного института). Речь идёт о его письмах П.Е. Корнилову, хранящихся в фондах Государственного Русского музея в Петербурге. Эти документы ещё не прошли архивной обработки, поэтому в докладе не называется ни фондов, ни единиц хранения, а ведётся общая беседа по поводу взаимоотношений Владислава Крескентьевича со своим младшим братом художником и искусствоведом Георгием Крескентьевичем (1884–1952), находившимся после революционных событий в эмиграции.

Письма, о которых шла речь, имеют мало отношения к геральдике, но ярко высвечивают фигуры этих двух талантливых людей, так больше никогда после 1917 г. и не встретившихся.

Известно, что деятельность Г.К. Лукомского сыграла заметную роль в художественной жизни не только дореволюционной России, но и русской эмиграции. Как пишет исследователь его творчества Л.Д. Шехурина, «человек поразительной энергии и работоспособности, он оставил колоссальное число снимков, зарисовок, статей и книг, полный учёт которых трудно осуществить», особенно тех, которые остались в зарубежье. В эмиграции Георгий Крескентьевич жил сначала в Берлине, затем с 1925 г. в Париже, а в период Второй мировой войны в Великобритании. Скончался он в Ницце, на юге Франции. В эмигрантский период его деятельность отличалась не меньшей активностью, чем на родине. Он был секретарём парижской группы «Мира искусства», организовал большое число выставок своих работ, сотрудничал в различных периодических изданиях, опубликовал ряд исследований по истории искусства.

Переписка В.К. Лукомского содержит интересную информацию об обоих братьях. Среди прочих сведений можно отметить следующие примечательные моменты. Так, в 1920-х годах В.К. Лукомский подключился к работе по устройству художественной выставки в Казани, в которой предполагалось участие и его брата Георгия. В начале 1928 г. Владислав Крескентьевич получил «бандероль с пятью экземплярами каталога выставки брата... Каталог очень изящно издан и производит вполне приятное впечатление».

Из довоенных зарисовок В.К. Лукомского обращает на себя внимание одна, касающаяся судьбы Георгия (1936 г.): «Брат мой едва не погиб, оказавшись в зоне, захваченной фашистами (Гренада), он по подозрению в

сношениях с нашим Союзом... был арестован... и просидел 18 дней в военной тюрьме и только после категорического протеста французского правительства отпущен...».

С началом Отечественной войны и переездом В.К. Лукомского в Москву, его беспокоит судьба архива брата, переданного им в Русский музей «в конце двадцатых годов». Георгий же Крескентьевич в это время работает в Лондоне «в контакте с нашим посольством. Устраивает выставки ретроспективного русского искусства по коллекциям англичан». Как видим, он стремится поддержать союзнические отношения Великобритании с СССР, занимает антифашистскую позицию.

В октябре 1943 г. из письма Корнилову мы узнаём, что В.К. Лукомский задумывает колоссальную работу по общему обзору «всех фондов художников, художественных деятелей и искусствоведов, хранящихся в архивах Ленинграда и Москвы». Это свидетельствует о большом творческом потенциале Владислава Крескентьевича, о его желании продолжать научную, исследовательскую работу. К сожалению, этот труд так и остался несуществлённым.

В начале 1944 г., вместе с поздравлениями по поводу полного снятия блокады Ленинграда, В.К. Лукомский тревожно спрашивает о количестве «разрушений и судьбе памятников архитектуры и истории города». При этом во всех письмах Владислава Крескентьевича, относящихся к военному времени, подчёркивается стремление Георгия Крескентьевича вернуться обратно на Родину: «Очень тоскует и стремится на Родину, помочь своим знанием и опытом в восстановительных работах» (письмо от 20.03.1944 г.).

В апреле 1944 г. В.К. Лукомский радостно сообщает о присуждении ему учёной степени доктора исторических наук («Выборы прошли единогласно и в самой лестной для меня форме»). Это произошло без защиты диссертации.

В середине 1944 г. Владислав Крескентьевич узнаёт о реформе Академии художеств и возможном привлечении обоих Лукомских в её состав. «Вот это очень важный фактор для переезда в Ленинград... если бы этот план был осуществлён», - пишет он.

Эти слова не оставляют сомнений в желании старшего Лукомского вернуться в Ленинград – город, с которым была связана вся его творческая жизнь. Он оставался в душе петербуржцем, несмотря на то, что его положение в Москве стало укреплаться.

Этот краткий обзор можно закончить выдержкой из письма Георгия Крескентьевича Владиславу от 6 октября 1944 г.: «Передав... весь мой архив... и получив обещание о принятии на хранение и перевоз в Русский музей после войны прочих частей, пока недосягаемых во Франции и в Испании... я буду считать себя свободным и смогу покинуть Лондон». Речь, видимо, идёт о его переезде в Советский Союз. Но, к сожалению, этим планам и в части соединения архива в одно целое в Русском музее, и в части возвращения Георгия Крескентьевича в СССР не дано было осуществиться.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ЭНТУЗИАСТ (Г.К. ЛУКОМСКИЙ В ИЗГНАНИИ)

(см. стр. 19)

Г.К. Лукомский

Могила Георгия Крескентьевича Лукомского.
Кладбище Кокад в Нице (Франция).
Фото Н.М. Брусиловского.

Могила Владислава Крескентьевича Лукомского.
Ваганьковское кладбище (Москва).
Фото Н.М. Брусиловского.